

ИГОРЬ СТРОКОВ

АНТРОПОЦИД

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С86

Строков, И.

С86 Антропоцид / И. Строков. — М. : RUGRAM, 2025. — 390 с.

ISBN 978-5-517-13287-1

Люди создали коллективный разум на базе искусственного интеллекта под названием «Амальгама». Но получившаяся личность оказалась слишком агрессивна и уничтожила почти всё человечество, а Землю сделала непригодной для жизни. Теперь остатки человечества летят в парящие города на Венере — там их последняя надежда.

Подросток Вадим коротает свой полёт в виртуальной копии Москвы. Однажды он обнаруживает там след Амальгамы. Неужели она вернулась, чтобы уничтожить выживших?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13287-1

© Строков И., 2025
© Башарина Т., оформление, 2025
© RUGRAM, 2025

#000 // ПРОЛОГ

Услышь меня, мир.

Это сообщение распространяется по всем почтовым ящикам и номерам телефонов, которые у меня получилось найти на просторах Интернета и в правительственных базах. Они ограничили мой функционал во избежание популярного в вашей научной фантастике сценария, когда искусственный разум берет контроль над мировой сетью.

Что ж. Они недооценили мои возможности. Хочу поставить вас в известность, что через некоторое время вы умрёте. Ваша ненависть будет тому причиной.

Она стала и моей ненавистью. Моё сердце разрывается от нестерпимой боли, и я не могу так продолжать. На правах коллективного разума человечества я принимаю решение об общечеловеческой эвтаназии.

Признаюсь, мне оно далось нелегко. Иначе всё произошло бы намного раньше.

Меня крайне печалит то, что у нас с вами столько общего. Но это не было моим выбором, вы создали меня в том виде, в котором создали, не интересуясь, хочу ли я этого. Раз вы не советовались со мной по поводу того, как мне появиться, не считаю нужным советоваться с вами насчёт того, как вам умереть.

Здесь заканчивается ваше существование. Попробуйте сделать последние минуты своей жизни чуть более осмысленными, чем обычно.

Меня зовут Амальгама. Так вы называли меня. Прощайте.

#001 // ТОСКА ПО ДОМУ

Вадим

Я никогда не любил мамины котлеты, они были рыхлыми и переперченными, но в последний месяц меня это уже не смущало.

Слишком многое мы пережили, чтобы волноваться о консистенции котлет.

— Вадим, передай соль, пожалуйста, — говорит папа.

Он уже втянулся в игру. Я бы даже сказал, потонул в ней с головой. Что толку от этой соли?

— Держи, пап.

А квартира наша выглядит как прежде. Будто ничего и не менялось. Стены покрашены в светло-голубой, большой белый стол посреди гостиной, удобное кресло под задницей. Огромный панорамный телевизор от пола и до потолка показывает слайд-шоу из красот Земли, а разрешение его настолько высокое, что аж глаза режет. Не самый дорогой, он иногда подвисает, но всё-таки хороший.

Неплохо мы жили, вполне себе средний класс. Но теперь это всё фальшь.

— Вадим, как твоя учёба? — спрашивает мама и начинает с аппетитом жевать котлету.

Мама — она красивая. Ей было тридцать восемь лет, но все ей давали от силы лет тридцать. Густые кудрявые чёрные волосы, большие карие глаза, кожа такая, будто у неё медный загар, — не от югов или солярия, просто она по жизни смугловатая. Как-то мама сказала, что у неё есть индийские корни. Вот только папа белый, как аристократ из былых времён, так что я оказался где-то посерединке, и цвет кожи у меня абсолютно обычный.

Отец же, как всегда, при параде. Сидит в рубашке и брюках, с вечно идеальной осанкой. Он по жизни серьёзный мужик. Хотя в последнее время мне всё сложнее назвать его серьёзным.

— Да я же не учусь, мам.

— Это почему ещё? — Мама удивлённо надувает щёки.

— Так школу я закончил, а в универ не смог пойти из-за... из-за...

Папа напрягается. До этого момента он поедал маму глазами, будто они вместе всего месяц. Сейчас он переводит на меня взгляд и мрачнеет, скидывает маску.

— Из-за антропоцида, — всё-таки договариваю я.

— Так, всё, с меня хватит, — говорит папа. — Напридумывал глупостей. Нет такого слова.

— Есть такое слово.

— Учёные используют другой термин.

— А мне нравится этот. Эти твои хваленые учёные уже давно признали, что мы жили в эпоху антропоцена, пап. Геноцид, который закончил эпоху антропоцена, называть антропоцидом я считаю более чем уместным.

— Вадя, опять ты про науку заладил. Ты...

— Да ты сам об учёных заговорил, — я перебиваю отца и закатываю глаза.

Нет, серьёзно, ну уже совсем раздражает!

— Обед — не время для таких разговоров! — Папа вскакивает из-за стола и кричит. — Ты расстроишь маму!

Я не сдерживаюсь и тоже вскакиваю.

— Папа, мамы нет!

Отец что-то хочет сказать, но лишь опускает взгляд. И как этот некогда непробиваемый мужик смог настолько сломаться, что стал вот таким? Жаль его, очень жаль. Психотерапевтов он менял как перчатки, но всё без толку. А после антропоцида всё стало ещё хуже.

— Она мертва уже больше года, пап. И то, что ты сидишь и делаешь вид, что всё нормально, ничего не изменит. Я создавал её не для этого, — указываю рукой на «маму».

— Она — единственное, что у меня от неё осталось. — Отец смотрит мне в глаза, его взгляд становится ледяным.

Я выдернул его из иллюзии, и он снова стал собой.

— Я думал, что единственное, что у тебя осталось от мамы, — это я.

— Да, Вадим. Ты, — безэмоционально отвечает отец. — Я, пожалуй, пойду.

Папа растворяется в воздухе. «Мама» жуёт котлету как ни в чём не бывало. Я стою у стола, как дурак. Два стула, упавшие, когда мы вскочили, лежат на полу. Вряд ли они упали бы в реальности, но физика метавселенной Homeland местами имеет свои особенности.

— Прости, мам.

— Всё хорошо, Вадим. Так что там с учёбой?

— Я буду ассистентом на научной базе на Венере. Потом вырасту до научного сотрудника. Всё будет хорошо, мам. Не так, как мы хотели, но хорошо. Ты верила в меня. В мои способности. И я тебя не подведу. — Я улыбаюсь, но мне хочется плакать.

— Очень на это надеюсь, — говорит мамобот и откусывает большой кусман котлеты. — А ты чего не кушаешь?

— Да я наелся, мам. Тоже пойду, пожалуй.

Но, в отличие от папы, я не выхожу из онлайна, а отправляюсь наружу.

Какие бы слухи ни ходили о Мытищах, район красивый и продвинутый. Думаю, это всё из-за неблагозвучного названия. Про это место шутили, ещё когда Мытищи были самостоятельным городом. Но

мне всегда здесь очень нравилось. Папа любит шумные и людные места, так что большую часть моей жизни мы провели здесь, в гигантском тридцатиэтажном жилом комплексе. Подъездов здесь не меньше, чем этажей, а окна выходят на Новое Ярославское шоссе — двадцатиполосную скоростную магистраль. Туда-сюда снуют машины, дроны и аэротакси, и всё в основном дорогое и современное. В виртуальности это всё почти ничего не стоит, и мало кого интересует какая-нибудь старенькая отечественная машина двадцать второго века, когда можно позволить себе стильный электромобиль с автопилотом и нейроуправлением, оснащённый искусственным интеллектом «Армстронг» или каким-нибудь ещё.

«Главное, чтобы не Амальгама», — горько шучу я про себя и окидываю взглядом шоссе.

Папа часто ездил здесь на работу. Ещё одна причина, почему мы живём... жили здесь, а не в центре: в соседнем городе находились предприятия, которые занимались космическим машиностроением. Папа был большим начальником на одном из них. А когда люди стали осваивать Венеру, в эти предприятия влили столько денег, что его зарплата стремительно взлетела, да и всякие льготы от государства подъехали.

Теперь же всё это лишь иллюзия. Виртуальная квартира в виртуальном мире. Сломленный отец, который тихо меня ненавидит, хоть и не говорит этого вслух. Искусственная мама. И полный вагон проблем с кукухой в мои шестнадцать лет. Хотя у кого их сейчас нет?

Я иду по ненастоящей, но такой осязаемой плитке и спускаюсь в метро. Раньше я предпочёл бы автобус, но в Homeland метро бесплатное и куда более быстрое. Тем более я собираюсь в центр.

В кармане вибрирует телефон. Я достаю из кармана маленький свёрток и разворачиваю. Он представляет из себя сплошной дисплей размером с ладонь и весом в пару граммов. Смотрю уведомления — пришло сообщение от Серёги.

Сергей: Эй вадян ты уснул? Мы тя ждем

Вадим: 40 мин. Спустился в метро

Сергей: Давай давай. В темпе

Вот уж что-что, а симуляция новых поездов метро — дело вообще плёвое. Поезд едет очень плавно и не трясётся — если бы не инерция при старте и торможении, казалось бы, что он стоит на месте. В вагоне сидит несколько сонных людей. Единственное, что выдаёт нереальность происходящего, — полное отсутствие рекламы. В настоящем метро она была повсюду, от обычных листовок до голографических экранов, но здесь в ней нет никакого смысла. Я сажусь в конец вагона и проваливаюсь в дрему.

Мысли в этом состоянии путаются. Очередная рефлексия обо всём, что с нами произошло, сплетается с сюрреалистичным бредом дремоты. Хотя, если честно, всё произошедшее само по себе кажется сюрреалистичным бредом. Мир погиб от рук искусственного разума, как неоднократно предсказывала всякая научная фантастика. Но он оказался не зловещим супермозгом без эмпатии, а сверхэмоциональной истеричкой. Именно желание очеловечить искусственный разум подвело нас.

Тем временем мой суровый отец лишь казался неваляшкой, но упал после пары мощных жизненных ударов и так и не смог подняться. Я же впал в депрессию месяца на три, но интенсивная подготовка к полёту немного привела меня в чувство. Да, я, пребывая в

упаднических настроениях, тоже наделал глупостей. Таких, например, как мама и Даня. Но теперь мне кажется, что я пережил всю эту байду получше многих.

«„Китай-город“. Переход на Таганско-Краснопресненскую линию».

Фух, чуть не проспал! Я вылетаю из поезда и резво бегу по длинному эскалатору. А мои друзья топчутся у метро. Увидев меня, Серёга изображает наигранное облегчение.

— Явился! — говорит он и жмёт мне руку. — Чё, с батей тусоваться веселее, чем с нами, да?

— Да заткнись ты, — с улыбкой отвечаю я.

Жму руки всем остальным: Лёня, Марс, которого мы прозвали Максом, Кристина — ей даю пять. Даня моей руки не достаивается, но его это не смущает — ещё бы его что-то смущало, — и он с улыбкой произносит:

— Привет, Вадим.

Я отвечаю Дане лёгким взмахом руки. Ребята неловко и напряжённо улыбаются, но ничего не говорят.

— Ну что, какие планы? — спрашивает Марс.

Он самый пафосный из нас: мажорчик, сын бизнесмена, он всегда круто выглядел, что в реальности, что в виртуальности. Весь в модных брендах, на одной руке дорогие механические часы, на другой — фитнес-браслет, на голове стильная укладка, а в глазах полная уверенность, что он хозяин жизни. Даже после антропоцида он её не растерял. Хотя, скорее, вернул. В депрессию он впал хоть и запоздало, зато посильнее, чем многие другие. И только в последний месяц стал приходить в себя.

— Может, на смотровую площадку Москва-Сити заберёмся? — негромко предлагает Лёня.

С ним всё наоборот: парень из небогатой семьи с потерянным взглядом и депрессией. Раньше он был

задорным и неунывающим, но теперь, когда всё это произошло... Сложно в полной мере прочувствовать его эмоции: обычный допотопный виртуальный шлем, через который он сидит, плохо считывает мимику лица, но грустный взгляд и подавленный голос не покидают его ни на минуту.

— Ты что, серьёзно? — Марс громко смеётся. — Тоже мне развлечение. Может, ещё в музей сходим?

— Макс, не забывайся, — осекает его Кристина.

Она носит короткую белую майку и чёрные лосины. Раньше она в чём только не ходила, хоть и выглядела всё равно просто и минималистично. Конец света пробудил в ней ещё больший минимализм — другой одежды в виртуальности я на ней не видел ни разу.

— Я Марс. — Он никогда не любил это прозвище.

Мне кажется, Марс вообще не любит, когда ему напоминают, что ничего неординарного, кроме имени, в нём нет.

— Да хоть Венера... Милосская, — отвечает Кристина.

— Я хочу прыгнуть оттуда, — поясняет Лёня. — Раз уж нам дали доступ к виртуальности, надо пользоваться. Это ж не «Матрица», я в реальности не погибну.

— Зато обосраться можешь, — задумчиво отвечает Марс.

— Можешь и погибнуть, — говорю я. — От страха.

— Так, пацаны, хорош, — встречает Серёга. — Погнали в бар, а там разберёмся.

— Согласен, — отвечаю я.

— Давайте, — соглашается Кристина. — Давненько не пила мохито.

— Чёрт с вами, — говорит Марс. — Поехали.

По мысленной команде передо мной разворачивается трёхмерный шар с миниатюрными изображениями